

1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ КАК «ЧЕЛОВЕКА НАУКИ». ЗАПИСНАЯ КНИГА “*ETHNOLOGIA*”: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ГЛАВНОЙ ЗАДАЧИ

В современной литературе сложилось двойственное, даже противоречивое отношение к Миклухо-Маклаю как «человеку науки», по его собственному выражению. Это отражается в двух, казалось бы, противоположных подходах к изучению его научного наследия. Биографы Миклухо-Маклая, условно говоря, делятся на «оптимистов» и «пессимистов». Первые исходят из того, что высокая оценка научного вклада Миклухо-Маклая должна быть ясна сама по себе, учитывая его яркую деятельность на гуманитарном поприще. Вторые почти столь же настойчиво опровергают значимость его достижений для современной науки. Впрочем, на практике даже сугубо положительные отзывы о трудах Миклухо-Маклая сочетаются с утверждениями о «некотором преувеличении» его научных заслуг, а отрицательные высказывания уравниваются воздаянием ему почестей в качестве «выдающейся личности». Например, принято отмечать, что Миклухо-Маклай «обычно избегал широких выводов и обобщений», но в связи с конкретными изысканиями мог «занести» в свой дневник «поистине новаторскую» гипотезу, «не утратившую своего значения до наших дней» [Тумаркин 1999: 585; 2011: 282].

Создается странное впечатление, что авторы, защищающие Миклухо-Маклая, сами не до конца убеждены, чего же в нем все-таки больше — «великого гуманиста» («человека с Луны») или «великого ученого». Отсюда так называемая «идеализация и мифологизация» образа Миклухо-Маклая, о которой пишет Д.Д. Тумаркин [Тумаркин 1998: 149]. Психологически, при повторяющихся характеристиках Миклухо-Маклая как «ученого-гуманиста» или «путешественника и гуманиста» (сам он всеми силами старался отойти от стандартного образа «путешественника»), скептическое отношение к нему как «человеку науки» только возрастает. Вследствие этого

появляются некие «разрушители мифа», а в ответ звучат призывы к «сбалансированной оценке» Миклухо-Маклая «как ученого и общественного деятеля» [Там же]. Вопрос из содержательной области окончательно переносится в область семантики. С этим связан и тот факт, что повествовательный стиль при описании личности Миклухо-Маклая преобладает над аналитическим.

В частности, Д.Д. Тумаркин так определяет значение этнографических материалов Миклухо-Маклая: «Несмотря на несовершенство его методики, эти материалы остаются и по сей день важным источником по этнографии Новой Гвинеи, уникальным образцом полевой работы во влажных тропиках, среди людей каменного века» [Тумаркин 2011: 223]. Не совсем ясно: как возможно на основе несовершенной методики создать образцовый этнографический источник? И каким образом полевая этнографическая работа во влажных тропиках среди людей каменного века отличается от полевой работы среди сельского населения в средней полосе России или в городских условиях современной Англии? Наконец, в чем же именно состояла методика Миклухо-Маклая, чтобы мы могли судить о ее «несовершенстве»? (На самом деле по работам Миклухо-Маклая можно читать студентам курс полевой этнографической практики.)

Вероятно, мы будем ближе к истине, если примем точку зрения, как кажется, присутствующую в высказываниях Е.В. Ревуненковой по поводу путешествий Миклухо-Маклая по Малаккскому полуострову [Ревуненкова 1992: 16, 19; 1994: 142]. На наш взгляд, эта точка зрения сводится к требованию рассматривать научную деятельность Миклухо-Маклая отдельно от общественной. В актуальности этой задачи сомневаться не приходится. Научные взгляды Миклухо-Маклая как таковые никогда не становились предметом самостоятельного исследования.

Собственно об этом пишет А.Я. Массов, указывая на отсутствие сколько-нибудь фундированных исследований «естественно-научных и общественно-политических представлений русского ученого и путешественника» [Массов 2013: 116]. Мы продолжаем настаивать на упомянутом выше разделении хотя бы потому, что именно общественно-политические взгляды Миклухо-Маклая всем известны. При этом у нас нет никаких оснований опасаться, будто бы без добавления такого «связующего вещества» от научного наследия Миклухо-Маклая в конечном счете останутся только разроз-

ненные сведения эмпирического характера. В этом плане особенно обнадеживает работа немецкой исследовательницы Фридрики Шнейдер. Анализируя новогвинейские дневники Миклухо-Маклая и его статьи на эту тему, она пришла к заключению, что в его высказываниях обнаруживаются параллели с основополагающими принципами, впоследствии развитыми Малиновским (цит. по: [Тумаркин 2011: 224]). Следовательно, верно, что поиск «баланса» (на деле всегда искусственного) между научной и общественной деятельностью Миклухо-Маклая не располагает к объективной оценке результатов его исследований.

До сих пор вопрос об отношении Миклухо-Маклая к занятиям теорией оставался открытым. «Если на заре своей научной деятельности, — пишет Д.Д. Тумаркин, — Николай Николаевич — по примеру Эрнста Геккеля — был склонен к выдвижению самых смелых гипотез и к широким обобщениям, то теперь (по Д.Д. Тумаркину, после 1871 г. — *П.Б.*), проникнув в непознанный папуасский мир, он, похоже, склонился к другой крайности — придерживался точно установленных, по его мнению, фактов и воздерживался от добавления к личным наблюдениям каких бы то ни было догадок и гипотез» [Там же: 223, 282]. Однако если это так (а это действительно так), Миклухо-Маклай, проводя полевые исследования, следовал строгому научному методу, основанному на том теоретическом положении, с которого впоследствии начинал Малиновский, опередив выдающегося британского ученого на несколько десятилетий.

Как думается, именно миф о так называемом «эмпиризме» («ярко выраженном позитивизме») и, соответственно, плохом знании Миклухо-Маклаем современных ему учений развевать легче всего. Д.Д. Тумаркин, кажется, совершенно напрасно (хотя и в благих целях) поддерживает в сущности ни на чем не основанный тезис о «слабом знакомстве» Миклухо-Маклая с текущей литературой по теории первобытности, указывая на то, что из трудов «трех столпов английской школы социокультурного эволюционизма» — Э. Тэйлора, Дж. Лёббока и Дж. Макленнана — в его текстах упоминается только книга Лёббока «Происхождение цивилизации и первобытное состояние человека» [Там же: 224]. К этому он добавляет, что основным пособием для Миклухо-Маклая служили труды Т. Вайца и Г. Герланда, представлявшие свод эмпирических сведений этнографического характера [Там же]. Конечно, формальное упоминание тех или иных книг не означает, что Миклухо-Маклай не знал

или не принимал идей, заключенных в этих книгах. Помимо английской, существовала неплохая немецкая школа. Труды Вайца и Герланда при подготовке первой экспедиции были для Миклухо-Маклая в большей степени справочными изданиями. Основным научным пособием для исследователя на этом этапе должен был служить классический труд английского эволюциониста Дж.К. Причарда, являвшийся, по сути, учебником этнологии того времени.

Безусловно, Миклухо-Маклай был в курсе всех новых идей, постоянно пополняя свой теоретический багаж в области и физической антропологии, и этнологии. Общеизвестно, что он вел обширнейшую переписку со многими авторитетными учеными, которым он часто напоминал о высылке тех или иных изданий, сам посылал регулярные отчеты в различные европейские издания, знакомился с новой литературой и даже пополнял личную библиотеку во время путешествий. Ведь он не только бродил по джунглям, но останавливался в крупных колониальных городах, центрах европейской науки и культуры. Все это противоречит утверждению о его оторванности от европейского научного сообщества. На самом деле он был важной частью этого сообщества. Скорее приходится говорить о его «оторванности» от российского научного сообщества. Неслучайно в газетном интервью 1882 г. он признался, что, если не найдет материальной поддержки для издания своих трудов в России, ему «по неволе» придется обратиться к Англии [Миклухо-Маклай V: 541]. Вероятно, он знал, что говорил.

Обвинения Миклухо-Маклая в эмпиризме, слабом владении теорией и т.п., а если называть вещи своими именами, дилетантизме имеют довольно длинную историю. Ему самому приходилось затрагивать эту болезненную для него тему. В интервью 1882 г., говоря о намерении издать «отчет о результатах своих путешествий», он указывал, что это сочинение будет «специально научного характера»: «Не ради “беллетристики” скитался я среди диких, по таким местностям, где никогда не ходил еще “белый человек”, подвергал свою жизнь опасности...» [Миклухо-Маклай V: 541]. И далее он отмечает: «Я знаю, что русские ученые не считают меня “своим”, они, кажется, сомневаются в моих знаниях» [Там же]. Столь странное положение, когда на родине ему приходилось доказывать, что он, по его словам, «не дилетант в науке», сам он пытался оправдать тем, что «не получил в России высшего образования» [Там же]. Как следствие, Миклухо-Маклаю, видимо, ничего не оставалось, кроме как

отдать себя — с теми или иными издержками — на суд более широкой аудитории: «Русская печать, относившаяся ко мне, как мне передавали, благосклонно, русское общество, интересовавшееся моею судьбою, по моим чтениям пусть судят меня как *человека науки...*» (курсив мой. — П.Б.) [Там же]. Таким образом, «русские ученые» попросту не принимали Миклухо-Маклая в свою среду, ибо для этой среды он действительно был инородным телом, в каком-то смысле «западником».

Фактически Миклухо-Маклаю приходилось вести скрытую борьбу за новое место этнографии в той классификации наук, которая преобладала в российской научной жизни (география $\supset$ этнография²). Так что причина холодного отношения к Миклухо-Маклаю заключается в качестве научной среды, обрекавшей его на почти полное одиночество в России. Его представления об этнографии существенно отличались от представлений соотечественников. Суть дела заключается, во-первых, в том, что в свое время в России он был единственным профессиональным этнографом, во всяком случае единственным ученым, который относился к этнографии как к научной дисциплине, требующей специального образования, а, во-вторых, в том, что его интересы выходили за рамки территорий, принадлежавших России. Безразличие Русского географического общества к материалам Миклухо-Маклая вытекает из особенностей структуры этого учреждения, определявшей отношение к этнографии в целом как к «отделению» географии, не имеющему самостоятельного предмета исследования. Видимо, по этой же причине он не смог найти полного понимания и в Академии наук, в рамках которой интерес к этнографии ограничивался по большей части сбором музейных коллекций. В частности, фундаментальный труд Л.И. Шренка “*Reisen und Forschungen in Amur-Lande*” (1860–1895) по материалам экспедиции по Дальнему Востоку и Амуру, в то время (1879–1894) возглавлявшего Музей антропологии и этнографии, по своей структуре — зоология, этнография, лингвистика, метеорология — укладывается в Устав Географического общества, Отделе-

---

² Включение этнографии в состав географии в 1845 г. путем создания Отделения этнографии в Русском географическом обществе само по себе было прогрессом, поскольку до того времени этнография в России в дисциплинарном отношении была «бесхозной» наукой, что, конечно, препятствовало систематическому проведению исследований в этой области.

ние этнографии которого было создано также в целях изучения народов «преимущественно России».

Сказанное во многом объясняет, почему труды Миклухо-Маклая не были изданы сразу после его смерти. По воспоминаниям Анучина, ему было совершенно непонятно такое отношение к делу, проявлявшееся в «крайнем пренебрежении», «ледяном равнодушии» со стороны Географического общества к научному наследию Миклухо-Маклая, и это при том огромном интересе, который проявляли к этому изданию многие как в России, так и за границей [Анучин 1923: 14, 15].

Привычным оправданием такого положения дел служит доклад Н.В. Каульбарса, по словам которого рукописи Миклухо-Маклая представляют собой «совершенно сырой, несвязанный материал, неподдающийся обработке без личного участия автора» [Там же: 9]. Вероятно, по этой причине возобладало мнение об «отрывочности и недостаточной обработанности материала», делающих практически невозможным посмертное издание трудов Миклухо-Маклая [Там же: 9–10]. Однако действительная трудность заключалась лишь в «приискании лица», которое согласилось бы взять на себя выполнение этой задачи. По-видимому, в то время было трудно найти ученого, который соответствовал бы по своему рангу Миклухо-Маклаю. Когда Анучин, ученый именно такого уровня, приступил к работе, он мгновенно отбросил поверхностное, а может быть, и предвзятое мнение о записях Миклухо-Маклая. «Просмотрев бегло, — писал он, — присланные мне рукописи, записные книжки, брошюры и рисунки, я убедился, что в них имеется материала на два тома: один, который мог бы быть посвящен Новой Гвинее, и другой, в который могли бы войти путешествия по Малаккскому полуострову, по другим островам Тихого океана и различные, преимущественно антропологические (отчасти и зоологические), наблюдения, собранные главным образом в Австралии» [Там же].

К сожалению, существующие способы обоснования непреходящей ценности этнографических наблюдений Миклухо-Маклая в различных регионах, безусловно, неодинаковых по полноте, страдают односторонностью, поскольку предполагают, что эти наблюдения приобретают какое-либо значение только в контексте упоминаний в чужих работах. Вероятно, Анучин, столь много — и правильно — сделавший для издания трудов Миклухо-Маклая,

ошибался, соглашаясь с людьми, считавшими, что Миклухо-Маклай не обладал способностью сосредоточиваться на определенном «научном задании», довольствовался «предварительными сообщениями», откладывал на будущее «более крупный труд» и т.п. [Там же: 66]. В подтверждение своих слов он ссылается на одно место из биографии Миклухо-Маклая, написанной О. Финшем: «Когда однажды в тесном кругу специалистов в Берлине (1886) зашла речь о Миклухо-Маклае, я оказался единственным его защитником. *Все отдавали должное его путешествиям и наблюдениям*, но все ставили ему в упрек, что в течение пятнадцати лет он не пошел далее предварительных сообщений, и выражали даже сомнение, чтобы при его непостоянстве от него можно было бы ожидать законченного труда» (курсив мой. — П.Б.) [Там же]. Или: «Посвятив ряд лет на путешествия в отдаленных областях Меланезии, Малаккского полуострова, Полинезии, Австралии, другой на его месте еще при жизни написал бы несколько книг и тем прочно увековечил бы свое имя, но Н.Н. ограничивался обыкновенно короткими отчетами и заметками, увлекаясь постоянно новыми поездками и новыми объектами для наблюдений» [Там же: 65–66]. Вероятно, с этих пор, чтобы как-то смягчить критику или скепсис в его адрес, «все отдают должное его путешествиям и наблюдениям».

Неудивительно, что еще при жизни Миклухо-Маклая некоторые авторы, вероятно, плохо знающие его работы, ставили ему в заслугу исключительно роль отважного первопроходца. В книге “*Picturesque New Guinea*”, изданной Дж.У. Линдтом в 1887 г., в качестве первооткрывателей (“*first explorers*”) называются Уоллес, Миклухо-Маклай³ и д’Альбертис. Автор отмечает, что Альфред Уоллес, побывавший на Новой Гвинее до Миклухо-Маклая, и Луджи д’Альбертис, совершивший путешествие во внутренние районы Новой Гвинее в 1872 г., внесли заметный вклад в изучение местного населения, несмотря на тот факт, что для обоих сведения этнографического характера носили побочный характер, в основном их интересовала местная фауна, и прежде всего райские птицы. Д’Альбертис попутно делал этнографические наблюдения и приобретал некоторые предметы традиционной культуры. Линдт восторженно писал, что по величине своего вклада в изучение Новой Гви-

---

³ Данная ссылка на Миклухо-Маклая была недавно обнаружена Т.И. Шаскольской.

неи д'Альбертис превосходит остальных исследователей, поскольку очень близко (*intimately*), как никто до него, познакомился с обычаями местного населения [Lindt 1887: 3]. О Миклухо-Маклае Линдт не нашел что сказать, кроме: «После него (Уоллеса. — П.Б.) прибыл доктор Миклухо-Маклай, в 1871 г. Он жил с туземцами (*natives*) в течение пятнадцати месяцев, подвергаясь самым суровым лишениям и рискуя жизнью ради науки» [Ibid.].

Надо иметь в виду, что книга д'Альбертиса написана в жанре популярных тогда «иллюстрированных путешествий». В предисловии к французскому изданию, между прочим, так и говорится: книга предназначена «любителям путешествий» (“*amis des voyages*”) [Albertis d' 1883: VII]. В ней содержатся некоторые самые общие этнографические данные. По сути, это дневник, снабженный небольшим числом иллюстраций с изображением орудий, жилищ и предметов культа. Все сведения этнографического характера собраны в специальном разделе «Жители», занимающем 10–12 страниц. Интересная деталь: в то время, когда Миклухо-Маклаем уже была доказана ложность гипотезы о существовании расы «альфуров», д'Альбертис в своей книге рассказывает о встречах с ними [Albertis d' 1880: 216–217]. Даже если ограничиться опубликованными в 1873 г. «Этнологическими заметками о папуасах Берега Маклая», в 80-х гг. XIX в. еще никто не был в состоянии превзойти Миклухо-Маклая в плане создания полноценного этнографического источника, описывающего традиционную культуру населения той или иной части Новой Гвинеи.

Следует также учесть, что, как известно, к 1888 г. Миклухо-Маклай уже подготовил к печати два тома дневников своих путешествий вместе с иллюстрациями к ним. Теперь, когда мы знаем эти дневники по многим изданиям, ясно, что достаточно было опубликовать их сразу после его смерти, чтобы снять все вопросы относительно его вклада в науку, хотя бы потому что это были дневники не натуралиста, мимоходом записывающего любопытные этнографические факты. Это были дневники ученого-этнографа. Даже антропологические факты подаются им сквозь призму этнографического интереса. Чтобы понять значение вклада Миклухо-Маклая в этнографическую науку, надо лишь мысленно перенести в 1888 г. издание Д.М. Анучина 1923 г. или издание А.Б. Пиотровского 1941 г. и сравнить их с книгой д'Альбертиса. Естественно, возникает вопрос: за что Миклухо-Маклай был так наказан своими соотече-

ственниками (а вместе с ним и вся российская этнография), на несколько десятилетий задержавшими издание его дневников?

Итак, именно с мнением Финша связано рождение одного из мифов о Миклухо-Маклае, получивших столь широкое хождение в научных кругах. Как уже отмечено, к числу таковых относятся мифы о беспорядочности его научных интересов и голом эмпиризме, основанном на непонятно откуда взявшемся у него предубеждении к любым теоретическим построениям, с одной стороны, и на слабом знакомстве с современной ему научной литературой — с другой. Распространение подобных мифов мало чем отличается от прямых обвинений в дилетантизме. Этот главный миф о Миклухо-Маклае можно попытаться опровергнуть путем доказательства того факта, что вся научная карьера Миклухо-Маклая вполне целенаправленно кроилась по этнографическим лекалам. Внутренне он абсолютно последовательно двигался в сторону этнографии, постепенно оставляя за собой сначала зоологию, а затем и антропологию.

В первую очередь следует обратить внимание на то, что при любых трансформациях мнений о Миклухо-Маклае как ученом в них все же сохраняется одно инвариантное свойство. В 1960 г. М.Г. Левин писал: «Составленное им описание хозяйства и материальной культуры папуасов — людей, стоявших тогда на уровне неолитической техники и совершенно не тронутых влиянием европейской “цивилизации”, его наблюдения над их бытом, общественными отношениями, верованиями и *по сей день остаются важнейшим источником по этнографии Новой Гвинеи, непревзойденным во многих разделах образцом этнографического исследования*» (курсив мой. — П.Б.) [Левин 1960: 66]. Спустя несколько десятилетий, в 1999 г., эта формулировка повторяется в работе Д.Д. Тумаркина: «Он тщательно и подробно описал хозяйство и материальную культуру своих темнокожих друзей, их повседневный быт, нравы и обычаи, уделил много внимания их самобытному искусству. Эти материалы и *по сей день остаются важным источником по этнографии Новой Гвинеи, непревзойденным во многих отношениях образцом полевого этнографического исследования*» (курсив мой. — П.Б.) [Тумаркин 1999: 576]. Прообраз рассматриваемого высказывания мы найдем в первом издании трудов Миклухо-Маклая, в предисловии Д.Н. Анучина: «Факт, что со дня смерти путешественника прошло 25–30 лет, что его данные отчасти устарели, не мог служить доводом против издания; многие

из записанных Маклаем наблюдений были собраны над населением, не выдавшим ранее белых, и потому навсегда должны остаться ценными этнографическими материалами» [Анучин 1923: 14, 15].

Примерно такой же позиции придерживался С.А. Токарев, когда оценивал значение этнографических исследований Миклухо-Маклая: «Каков же был вклад Миклухо-Маклая в собственно этнографическую науку? Маклай не был специалистом-этнографом, он был натуралистом, а этнография была для него предметом лишь побочного интереса. Понятно, что его этнографические исследования не могли быть полными и всесторонними. Тем не менее они представляют для этнографии огромную важность» [Токарев 1966: 348]. Важность этих исследований обосновывается опять-таки только его ролью первопроходца, а их неполнота оправдывается тем, что он был «ученым особого склада», для которого «наука была, видимо, лишь одной из форм более глубокой общественной деятельности» [Там же: 346, 348]. Но тогда получается, что Миклухо-Маклай вообще не был ученым. О каком вкладе в этнографическую науку можно говорить, если этнография представляла для него лишь объект побочного интереса?

Впрочем, подобные высказывания, какими бы противоречивыми они ни были, парадоксальным образом аккумулируют интуитивно верное представление: основные научные достижения Миклухо-Маклая связаны с этнографией. Не замечая противоречия собственным словам о том, что Миклухо-Маклай был не специалистом-этнографом, а натуралистом, С.А. Токарев писал: «В сущности именно ради... антрополого-этнографических исследований Маклай выбрал местом экспедиции Новую Гвинею как область, почти незатронутую в то время европейцами» [Там же]. Это именно то, из чего все должно исходить и к чему все должно возвращаться. Ниже приводятся многочисленные факты, доказывающие приоритетность для Миклухо-Маклая этнографических занятий, что позволило ему войти в историю науки как выдающемуся ученому-этнографу, невзирая на множество принадлежащих ему заметных работ по зоологии и антропологии. Вопрос заключается только в одном: с помощью каких аргументов можно «измерить» действительную величину его вклада в этнографию?

Тезис «Миклухо-Маклай не был специалистом-этнографом» не очень корректен с любой точки зрения. Если иметь в виду отсутствие диплома этнографа, то этнография, как известно, стала уни-

верситетской дисциплиной только несколько десятилетий спустя. Если иметь в виду основную сферу деятельности, то систематические занятия этнографией в жизни Миклухо-Маклая всегда оказывались на первом месте, как в «поле», так и в «кабинете». Сожаления современников по поводу того, что он часто отвлекался от науки, — это способ выражения мнения, согласно которому он должен был сосредоточиться исключительно на этнографии.

Зарубежные исследователи, находясь на отдалении от реалий научной жизни в России, прошлой и настоящей, видят в нем только или, во всяком случае, прежде всего этнографа или этнолога. А.Я. Массов, совершенно правомерно поднимая вопрос об изучении «мировоззрения» Миклухо-Маклая, видимо, из соображений научной добросовестности создает еще одно искусственное препятствие на пути решения данной задачи. «Непомерная» трудность усматривается в «многогранности научных интересов» Миклухо-Маклая и «известной противоречивости его взглядов» [Массов 2013: 116]. Безусловно, интересы Миклухо-Маклая лежали в области нескольких дисциплин, но это было обычным явлением той эпохи. Естествоиспытатели брали на себя функции гуманитариев, в первую очередь в области этнографии, поскольку в их представлении этнографические факты подпадали под понятие естественной истории. Так, до сих пор никого не ставила в тупик многогранность интересов Р. Вирхова, Л. Шренка или Д.Н. Анучина. Что же касается противоречивости его взглядов, то откуда это может быть нам известно, если, по авторитетному мнению Д.Д. Тумаркина (см. выше), он «воздерживался от добавления к личным наблюдениям каких бы то ни было догадок и гипотез»? Также вызывает сомнение идея изучения наследия Миклухо-Маклая коллективом специалистов «в различных областях естественно-научного знания и социально-политических учений» [Там же]. Напротив, принцип научности диктует, что представители каждой науки из «маклаевского списка», например, зоологи или этнографы, должны проводить свои исследования в этом направлении независимо друг от друга.

Когда Миклухо-Маклай упоминал о своем намерении написать некий итоговый труд, он говорил именно об этнографии. В 1882 г., показывая журналисту, бравшему у него интервью, «одну из своих бесчисленных записных книжек», Миклухо-Маклай заметил: «Разобраться в этих записках только я могу... они представляют собою пока как бы “оглавление” — программу того, что я хочу

издать» [Миклухо-Маклай V: 541]. В конце разговора, касаясь своих коллекций, он сказал: «Эти коллекции — тоже “программа“, и без нее как без рук» [Там же]. Конечно, ему не удалось заполнить все ячейки несомненно существовавшей в его сознании общей схемы или, как он сам это называл, «оглавления», «программы». Но это не означает, что ее воссоздание является неразрешимой, тем более ненужной, задачей. При составлении по материалам Миклухо-Маклая задуманной им книги по этнографии (это понятно из контекста) нетрудно добиться монографичности именно благодаря цельности его природы и непрерывности развития его научных интересов. Вероятно, надо лишь правильно сложить отдельные труды, в той или иной форме опубликованные им при жизни, пользуясь при этом многочисленными подсказками в рукописях, лекциях, чтениях, письмах и газетных отчетах.

Безусловно, тезис о крупнейшем вкладе Миклухо-Маклая в этнографию нельзя принимать как нечто само собой разумеющееся, естественным образом вытекающее из величия его исторической личности. Е.В. Ревуненкова, видимо, права, отмечая, что некоторые результаты его деятельности утратили «полемическую остроту» с точки зрения истории науки [Ревуненкова 1992: 16, 19]. Однако помимо *истории науки* существует более тонкий инструмент познания самой науки, а именно — *философия науки*, когда система взглядов того или иного ученого рассматривается не диахронически, а синхронически. В частности, работа Миклухо-Маклая «Этнологическая экскурсия в Йохор» не может быть показателем утраты научной значимости результатов его научной деятельности. В данном случае перед ним стояла задача сбора первичных сведений по району, до того времени представлявшему собой белое пятно на карте антропологических исследований «папуасской расы». Вообще Миклухо-Маклай четко ранжировал свои публикации по степени полноты и обработки информации. Термин «этнологическая экскурсия» указывает на то, что сведения, содержащиеся в упомянутой работе, носят чисто ознакомительный характер и не рассматриваются автором в качестве научного труда в строгом смысле слова.

Миклухо-Маклай жил и работал в эпоху, когда процесс взаимного выделения предметов этнографии и физической антропологии, с одной стороны, физической антропологии и сравнительной анатомии — с другой, еще не завершился. В формулировке Дж. Стокинга, во времена, когда Миклухо-Маклай начинал свои исследова-

ния, в континентальной Европе под словом «антропология» понималось изучение физических характеристик людей *такое, что* «этнологические» факты интерпретировались сквозь призму «расовых» различий [Stocking 1991: 17]. Кроме того, были распространены теории, которые в терминах современной науки почти не интерпретируются. Это та ситуация, в которой, по словам Т. Куна, историкам науки, придерживающимся кумулятивной модели развития, становится трудно отличить «научное» содержание соответствующих теорий от «ошибок» или «предрассудков» [Кун 1975: 17–18].

В противовес историко-научному (скорее «биографическому») подходу, который преобладает в изучении наследия Миклухо-Маклая, философско-научный подход необходимым образом связан с измерением вклада ученых на фоне тех эпох, в которых они жили и работали. Здесь хронологический учет событий отступает на второй план.

«Постепенно, и часто до конца не осознавая этого, — писал Т. Кун, — историки науки начали ставить вопросы иного плана и проследить другие направления в развитии науки, причем эти направления часто отклоняются от кумулятивной модели развития. Они не столько стремятся отыскать в прежней науке непреходящие (sic!) элементы, которые сохранились до современности, сколько пытаются вскрыть историческую целостность этой науки в тот период, когда она существовала. Их интересует, например, не вопрос об отношении воззрений Галилея к современным научным положениям, а скорее отношение между его идеями и идеями его научного сообщества, т.е. его учителями, современниками и его непосредственными преемниками в истории науки. Более того, они настаивают на изучении мнений этого и других подобных сообществ с точки зрения (обычно весьма отличающейся от точки зрения современной науки), признающей за этими воззрениями максимальную внутреннюю согласованность и максимальную возможность соответствия природе» [Там же: 18–19]. Таким образом, каждый работающий ученый стремится внести вклад в общие усилия современного ему научного сообщества, и лишь в том случае, когда ему удастся сделать что-то неординарное, мы говорим о его влиянии на последующие поколения ученых.

Под таким углом зрения предметом исследования становится сама модель истории науки. Если кумулятивную модель поиска

«непреходящих элементов» заменить исследованием схем взаимодействия элементов в системе взглядов Миклухо-Маклая, его многочисленные «увлечения» окажутся подчиненными одной цели, сойдутся в одной «бесконечно удаленной точке». Суть дела, видимо, в том, что у Миклухо-Маклая процесс построения самого себя как субъекта исследования физической антропологии и этнографии совпадал с процессом выделения («создания») предметов этих наук, которые до его появления на этом поприще находились в зачаточном состоянии как с точки зрения эмпирического базиса, так и с точки зрения теоретического осмысления. Параллельно с проведением масштабных экспедиций («экскурсий») он вел огромную работу парадигмального характера, реализующуюся в отчетах и научной переписке и де-факто объединявшую ученых Англии, Германии и России. На этом фоне Миклухо-Маклай объективно выступает крупнейшим созидателем этнографии как особой дисциплины. В те годы ему не было равных по обширности полевых исследований, а общая масса собранных им материалов была настолько велика и преподносилась в такой форме, что ученые, с которыми он вступал в контакт по тем или иным вопросам, помимо своей воли могли оказываться в сфере притяжения его, подчеркнем, теоретических интересов, а не наоборот.

Миклухо-Маклай никогда не был пассивным потребителем чужих идей. К своим идеям, к которым *не могли не* прислушиваться (или *могли и не* прислушиваться) авторитеты того времени, он приходил в процессе критического осмысления всего существующего корпуса знаний и постановки бесчисленных экспериментов, тестируя существующие теории. Результаты этих экспериментов он систематически докладывал научному сообществу. Другой вопрос — реальная степень его влияния на современную ему ситуацию. Но это уже зависело не только от него, но и от воспринимающей стороны. Дело в том, что, вероятно, так называемый пик цитируемости Миклухо-Маклая приходится не на ту эпоху, в которую он жил и работал. Мы высказываем эту идею в порядке предположения, ибо индекс цитируемости работ Миклухо-Маклая при его жизни и в первые два-три десятилетия после его смерти никогда не изучался.

При непредвзятом взгляде, например, в работах некоторых зарубежных исследователей личность Миклухо-Маклая прочно ассоциируется с эпохой первотворения современной этнографии (этно-

логии, антропологии): «героическая эпоха этнологии» или «эпоха Сновидений в антропологии». Первооткрывателем Миклухо-Маклая в качестве «первопредка» этнографии был не кто иной, как Малиновский. В своих полевых дневниках он называет Миклухо-Маклая исследователем «нового типа» [Malinowski 1985: 161]. Что он имел в виду конкретно, не раскрывается, но можно предположить, исходя из некоторых более поздних его высказываний, что речь идет о том, что полевая этнографическая работа Миклухо-Маклая в качестве «решающего эксперимента» была одним из тех событий, которые положили конец эпохе «филологического засилья» (“philological dominance”) в этнологии, пользуясь терминологией одного из западных исследователей (см.: [Urry 1984: 84]).

При «включенном наблюдении», казалось бы, неупорядоченное множество высказываний Миклухо-Маклая довольно легко обнаруживает некий строгий порядок, единую схему взаимодействия. Для того чтобы *увидеть* это, его научное наследие надо изучать как бы в «инфракрасном» свете, когда становятся видны связи между, на первый взгляд, изолированными высказываниями. Надо заметить, в этом плане совершенно неисследованными остаются два вида источников — выписки Миклухо-Маклая при чтении книг или просто пометки на полях и, главное, письма, адресованные самому Миклухо-Маклаю. Однако даже если пользоваться только ранее опубликованными источниками, возможно воссоздать карту теоретического мира Миклухо-Маклая вполне документальным образом. Поставив перед собой такую задачу, начинать следует, что называется, с азов.

* * *

В своих первых путешествиях, будучи по своему *modus vivendi* еще, если можно так выразиться, «правоверным» зоологом, Миклухо-Маклай сделал для себя одно «печальное открытие», которое подстегивало его и одновременно оказывало на него парализующее воздействие. Это открытие состояло в осознании своих на тот момент беспорядочных, недостаточных знаний [Миклухо-Маклай V: 35]. Вместе с тем он замечает в себе способность видеть «многое из того, что другие тоже видели, но не заметили или не захотели увидеть» [Там же]. «Мне, — писал он Антону Дорну 8 мая 1869 г., — всегда бросалось в глаза, что знаменитые путешественники Ливингстон, Бейкер, Спик, Грант, Рольфс, Маух и т.д. обладали *столь незначительным научным образованием* и что они так добродушно

этого совсем не замечали. Именно такое впечатление я получил при чтении этих книг. Я сожалею об этих хороших людях, но прежде всего о себе самом, *как-нибудь надо пытаться себе помочь*» (курсив мой. — П.Б.) [Там же].

Без этого прозрения не было бы Миклухо-Маклая как «человека науки». Избрав своим главным методом наблюдение, вооруженное систематическими познаниями в данной области исследований, Миклухо-Маклай неотступно следовал ему в дальнейшем. Мнение о нем как о личности, чрезмерно увлекавшейся путешествиями и сбором эмпирических материалов в ущерб собственно научной стороне дела, совершенно несправедливо. Напротив, всю свою сознательную научную жизнь он старался как можно дальше отойти от образа «путешественника» или «коллектора» и в подходящих случаях не уставал это подчеркивать.

Его, на первый взгляд, необычайно рассеянная деятельность должна рассматриваться как вполне эффективная форма профессионального овладения предметами физической антропологии и этнологии в ту пору, когда они только выделялись. Его «университеты» совпадали с процессом создания/становления этих наук. Можно сказать и так: поскольку в то время было невозможно получить этнологическое образование, Миклухо-Маклай сам дал себе это образование. Фактически он первым пришел к мысли, что для того, чтобы заниматься этнологией, необходимо иметь соответствующее образование или, если угодно, «лицензию» на проведение этнологических исследований.

По-прежнему остается почти неизученным феномен переключения профессионального «гештальта» Миклухо-Маклая на рубеже 1860–1870-х годов. До определенного момента он, что называется, чистой воды зоолог, посвятивший себя изучению исключительно низших животных (губок). И вдруг — резкий поворот в направлении к (физической) антропологии и... этнографии. С другой стороны — переключение внимания с северных районов на южные районы Тихого океана, а именно на Новую Гвинею. По предположению Д.Д. Тумаркина, поставить в центр исследований Новую Гвинею Миклухо-Маклая побудила статья А. Петерманна «Новая Гвинея. Немецкие призывы от антиподов», вышедшая в ноябре 1869 г., в которой исследование Новой Гвинеи рассматривалось как «один из наиболее актуальных вопросов географии» [Тумаркин 2011: 121]. Однако этим можно было бы объяснить первопроходческий пыл

Миклухо-Маклая по отношению к Новой Гвинее, но никак не перенос силы тяжести исследований с зоологии на антропологию и этнографию, который в конце концов и привел его на Новую Гвинею. Как можно думать, последовательность смены интересов была именно такова.

По мнению Н.Н. Воробьева, экспедиционный опыт изучения человеческой культуры Миклухо-Маклай приобрел во время путешествия по арабским странам в 1869 г., где он даже использовал метод включенного наблюдения, выдавая себя за «местного араба» [Воробьев 1997: 13, 16]. Кажется, это был единственный реальный случай применения данного метода в истории этнографии. Однако осознание ошибок, совершенных при знакомстве с арабской культурой, вероятно, в немалой степени помогло ему в общении с местными жителями на Новой Гвинее, доверие которых он вызывал соблюдением определенной дистанции.

Логично думать, что уже в процессе складывания научных интересов Миклухо-Маклая становятся видны очертания его будущего вклада в развитие науки. Помимо прямых высказываний, следует учитывать общий рисунок его путешествий и трудов, неважно, опубликованных или не опубликованных при его жизни. Текст, помещенный в шеститомном собрании сочинений под более поздним заглавием «Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований», в первоначальном варианте назывался «Почему я избрал исходом моего путешествия на острова Тихого океана Новую Гвинею?». Это точнее отражает общее направление исканий Миклухо-Маклая в переломный момент его научной карьеры. Тем более что рукопись датируется мартом 1871 г., т.е. временем плавания к Новой Гвинее на «Витязе», и характеризуется автором как «пояснительная заметка» [Миклухо-Маклай III: 350–351].

Этот документ открывается следующими словами:

«Мне кажется, что мне следует прежде всего сказать, *почему* я избрал о. Новую Гвинею целью моего путешествия и моих исследований. Читая описания путешествий, почти что во всех я находил очень недостаточными описания туземцев в их первобытном состоянии, т.е. в состоянии, в котором люди низших рас жили и живут до более близкого столкновения с белыми или расами с уже определенной цивилизацией (как индусская, китайская, арабская и т.п.). Путешественники или оставались среди этих туземцев слишком

короткое время, чтобы познакомиться с их образом жизни, обычаями, уровнем их умственного развития и т.д., или же главным образом занимались собиранием коллекций, наблюдением других животных, а на людей обращали совершенно второстепенное внимание. С другой стороны еще такое пренебрежение ознакомления с первобытными расами мне казалось достойным положительного сожаления вследствие обстоятельства, что расы эти, как известно, при столкновении с европейскою цивилизациею с каждым годом исчезают.

Времени, по моему мнению, не следовало упускать, и цель — *исследование первобытных народов* — мне казалась достойною посвятить ей несколько лет жизни» (курсив Миклухо-Маклая. — П.Б.) [Миклухо-Маклай III: 6].

Таким образом, уже тогда своей главной целью Миклухо-Маклай ставил исследование первобытных народов. А поскольку в то время найти, как он пишет дальше, «первобытные племена людей вне влияния *других, поднявшихся на сравнительно высшую степень цивилизации*», можно было уже только на островах Меланезии как «менее известных, чем остальные» острова Тихого океана, и поскольку «между последними Новая Гвинея по своей величине и по своей неизвестности играет первую роль», этот остров и стал «исходной станцией» его путешествия [Там же: 6–7, 8]. При составлении мнения о Новой Гвинее как наименее изученной географической области Миклухо-Маклай, если следовать его примечаниям, пользовался книгами О. Финша, Д.Б. Юкса, А.Р. Уоллеса, К. Бэра. Статья Петерманна, о которой говорилось выше, не упоминается. Во всяком случае, дается только общая ссылка на издание “*Petermann’s Geographische Mitteilungen*” 1869 г. в связи с тем, что там была помещена карта Новой Гвинее. Видимо, основным ориентиром для Миклухо-Маклая в тот период служило отсутствие ясности в вопросе «антропологического положения» папуасской расы среди других рас данного региона [Там же: 7, 8].

В рассматриваемой записке, несомненно предназначавшейся членам РГО, в общих чертах вырисовываются общие контуры того, что в будущем можно будет считать основным результатом исследований Миклухо-Маклая. Он подчеркивает «важное антропологическое и этнографическое значение» Новой Гвинее и в то же время настаивает на второстепенном для него характере исследований в области зоологии и географии: «Не занимаясь по зоологии систе-

матикою и не имея наклонности к собиранию коллекций, интересных зоологу и географу, задачи Валласа (Уоллеса. — П.Б.) не могли руководить моим путешествием» [Там же: 8, 9]. Таким образом, уже в этот период зоология и география решительно отодвигаются на задний план, уступая основное место антропологии и этнографии, а внутри отношения «антропология — этнография» отдается предпочтение именно этнографии — «исследованию первобытных народов». В свою очередь Новая Гвинея становится полем исследования именно потому, что, на взгляд Миклухо-Маклая, только там можно было найти «первобытные племена людей», не затронутые другими «племенами», «поднявшимися на сравнительно высшую степень цивилизации».

До того момента, когда Миклухо-Маклай оказался на борту «Витязя» на пути к островам южной части Тихого океана, он в силу различных причин, видимо, не решался расставить акценты с такой определенностью. С одной стороны, он, как и любой ученый, не всегда отдавал себе полный отчет в движении своих научных интересов, с другой — не все его планы могли быть благосклонно приняты членами РГО, без поддержки которого его путешествие, вероятно, никогда бы не осуществилось, по крайней мере, в тех масштабах, о которых он мечтал.

27 сентября 1869 г., в самом начале подготовки экспедиции на острова Тихого океана, в своем первом обращении к секретарю РГО Ф.Р. Остен-Сакену он дает себе рекомендацию в качестве ученого, занимающегося «специально зоологиею и сравнительной анатомиею», причем весьма дипломатично подчеркивает, что его научные интересы «после зоологии ближе всего касаются географии» [Миклухо-Маклай V: 41]. Тему своей исключительной преданности интересам РГО он развивает следующим образом: «Как сравнительный анатом, прежде всего буду изучать организацию животных, мало исследованных, буду заниматься их географическим распределением — отрасль знания, которая всего более тесно связывается с изучением организации, объясняя одна другую, так как один и тот же организм, смотря по местности, среде, в которой живет, так изменяется, что его можно принять, не зная его географического распространения и не следя за постепенным изменением формы и организации, за совершенно другой вид и даже род. Так что положение, что невозможно изучать одной фауны, не изучая и соседних, делается одним из самых основных положений географии животных, и вме-

сте с тем география животных все более и более зависит от самых тонких анатомических исследований» [Там же: 42].

В виде решающего аргумента он приводит собственные результаты обработки материалов, хранящихся в «Музее Академии наук» и посвященных фауне «северных частей Восточного океана». «Эти результаты, — пишет он, — и другие соображения (какие? — П.Б.) меня окончательно убедили избрать полем моих будущих исследований Восточный океан, *не ограничиваясь, однако же, его только северными частями*. Свободным от специальных занятий временем намерен я воспользоваться для *разрешения, по возможности, разных антропологических и этнографических вопросов*» (курсив и подчеркивание мои. — П.Б.) [Там же]. Таким образом, добываясь от РГО предоставления ему помощи в переезде на военном судне «на какой-нибудь пункт Тихого океана» (курсив мой. — П.Б.), Миклухо-Маклай свои зоологические интересы прикрывает их возможной географической значимостью («география животных»), а свой интерес именно к южным районам Тихого океана — невозможностью исследования фауны северных районов без сравнения с фауной южных районов [Там же: 42–43]. И еще два «поклона» — обещание совершить обратное путешествие через Амурский край и Сибирь в связи с проведением «какого-либо исследования» и объявление о намерении отдавать приоритет тем вопросам, которые РГО найдет нужным поставить [Там же].

По-своему знаменательна заключительная часть. «Мне желательно было бы определительного ответа, — писал Миклухо-Маклай, — так как, сообразно с сим, я имею в виду распределить мои занятия и работы в этом году, употребив его на приготовление к путешествию и к постановке разных, сюда касающихся вопросов *по антропологии и этнографии*, и посоветоваться с разными по этой части специалистами» (курсив мой. — П.Б.) [Там же]. Как известно, 28 октября 1869 г. Совет РГО постановил: «Просить вице-председателя войти в сношение с Морским ведомством касательно доставления г. Маклаю возможности воспользоваться отправлением наших военных судов в Тихий океан для совершения путешествия туда и обратно» [Там же: 588].

Это событие проливает дополнительный свет на то обстоятельство, что, как пишет Д.Д. Тумаркин, «параллельно» с работой над монографией «Материалы по сравнительной неврологии позвоночных» Миклухо-Маклай «принимается усиленно штудировать лите-

ратуру об Австралии и Океании» и почему у него именно в это время (1869–1870) появляется записная книжка “Ethnologia” со списком прочитанных книг, в числе которых книги «этнолога Т. Вайца» и «антрополога Дж.К. Причарда» [Тумаркин 2011: 120–121]⁴. Неизвестно, с какой степенью точности Миклухо-Маклай определил конечный («исходный») пункт своего будущего путешествия — Новую Гвинею — на момент первого обращения в РГО. Пока можно сказать, что процесс конкретизации *места исследований* на географической карте совпадал, т.е. действительно шел параллельно с процессом определения *предмета исследований*. Одно определяло другое по формуле «Новая Гвинея = этнография».

С интересующей нас точки зрения записная книга Миклухо-Маклая “Ethnologia” стоит того, чтобы заглянуть в нее, не ограничиваясь фиксацией факта ее существования и даже публикацией содержащихся в ней рисунков или текстов *в отдельности*, ибо при таком подходе из поля зрения она практически выпадает как целое, т.е. игнорируется тот факт, что изначально эта записная книга служила Миклухо-Маклаю тетрадью для конспектов книг, по которым он изучал дисциплины этнографии и антропологии. В рамках экспедиционной деятельности на Новой Гвинее она использовалась уже как тетрадь для полевых записей.

Внешне эта книга представляет собой тетрадь в коленкоровом переплете. На обложке наклеен прямоугольный листок с обрезанными уголками. На нем рукописная надпись: “№ 12 Ethnologia” (номера записным книгам были даны, скорее всего, не ранее начала 1880-х годов, после того как Миклухо-Маклай вернулся в Санкт-Петербург). На форзаце надпись на немецком языке: “Inhalt: 1.) Völker Australien’s und d. Südsee”. На титульном листе внизу указана дата «1869/1870», выше — две надписи, расположенные по диагонали: “Ethnologie” и “N.M. Macclay”. Таким образом, Миклухо-Маклай собственноручно фиксирует очень раннее происхождение его интереса к этнологии, и именно этнологии Австралии и стран Южных морей.

Внутреннее пространство этого документа было заранее организовано с помощью вклеенных закладок с латинскими названиями рубрик: “Australia u. Oceania”, “N.-Guinea”, “Asia”, “Africa”, “America”, “Europa”, “Homo antehistoricus” [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12]. Две рубрики — “N.-Guinea” и “Homo antehistoricus” — исходя

⁴ Скорее, наоборот, Вайц был антропологом, а Причард — этнологом.

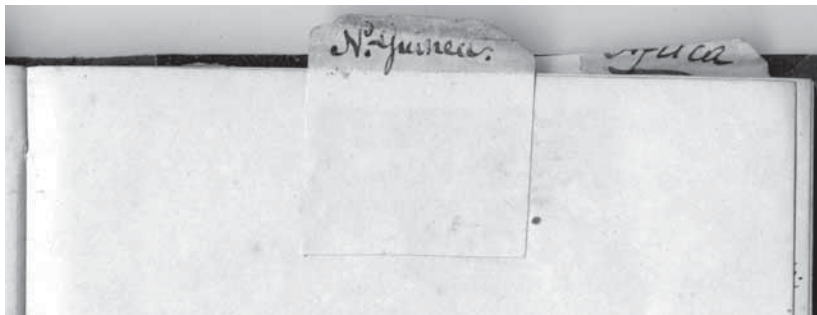

Рис. 1. Страница в тетради “Ethnologia”
с наклеенной сверху закладкой “N.-Guinea”

из принципа деления, выпадают из ряда обозначений частей света (рис. 1). Следовательно, вполне конкретная по своей «этнографичности» пара «Новая Гвинея — доисторический человек» в сознании Миклухо-Маклая была выделена еще до появления самой записной книжки, которое принято датировать 1869 г.

Судя по записям, Миклухо-Маклай пользовался этой записной книжкой на протяжении всех своих путешествий, совершенных до 1882 г. В этой же записной книжке помещены тексты некоторых заметок с соответствующими рисунками, которые он посылал в разное время для публикации: «Папуасы берега Маклая в заливе Astrolabe в Новой Гвинее», «Волосы папуасов», «Деревни папуасов береговых в заливе Астролаб», «Посуда и утварь», «Музыкальные инструменты Папуасов», «Об употреблении напитка Кэу папуасами Берега Маклая в Н. Гвинее», «Еще об некоторых этнологически важных обычаях папуасов Берега Маклая в Н. Гвинее» [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 16–19 об., 20, 21–25 об., 27 об., 28 об.–32].

В начале помещен список книг (рис. 2), из которых Миклухо-Маклай делал выписки⁵:

«1. Wallace A.R. Der Malayische Archipel. Die Heimath des Orang-Utan und des Paradiesvogels: Reiseerlebnisse und Studien über Land und Leute. Autorisirte deutsche Ausgabe von Adolf Bernhard Meyer. Bd. 1. Braunschweig, 1869.

⁵ В оригинале названия книг и выходные данные представлены в сокращенном виде. Здесь и ниже даются полные выходные данные книг, упоминаемых в тетради “Ethnologia”.

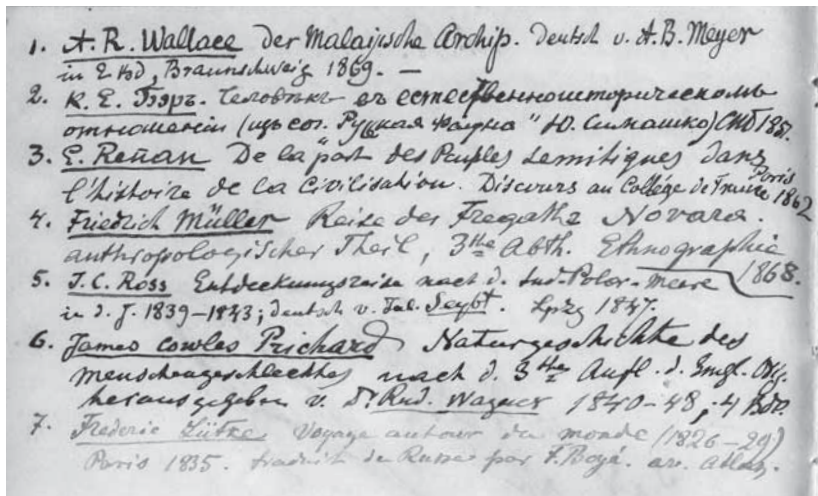

Рис. 2. Страница тетради “Ethnologia” со списком книг,
из которых Миклухо-Маклай делал выписки

2. Бэр К.Е. Человек в естественно-историческом отношении. СПб., 1851.

3. Renan E. De la part des Peuples Semitique dans l'histoire de la civilisation. Discours on College de France. Paris, 1862.

4. Müller Fr. Reise der Österreichischen Fregatte Novara um die Erde in den Jahren 1857, 1858, 1859. Anthropologischer Theil. Dritte Abtheilung. Ethnographie. Wien, 1868.

5. Ross J.C. Entdeckungsreise nach dem Sud-Polar-Meere in den Jahren 1839—1843. Deutsche von Julius Seybt. Leipzig, 1847⁶.

6. Prichard J.C. Naturgeschichte des Menschengeschlechtes. Nach der dritten Auflage des englischen Originals mit Anmerkungen und Zusätzen herausgegebenen von Dr. Rudolf Wagner und Dr. I.G. Friedrich Will. 4 bd. Leipzig, 1840—1848.

7. Lütke Fr. Voyage autour du Monde exécuté par ordre de Sa Majesté l'Impereur Nicolas 1er sur la corvette Seniavine dans les années 1826, 1827, 1828 et 1829. Tome 1—3. Paris, 1835»

[АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 об.].

⁶ В оригинале значится 1848 г. издания. По-видимому, записи делались по памяти. Можно привести другие примеры, когда Миклухо-Маклай при указании дат путал четные и нечетные числа.

Данный список довольно много может сказать о схеме, по которой Миклухо-Маклай как исследователь «собирал» самого себя. Наличие в этом списке книги Росса издания 1847 г., кажется, свидетельствует о том моменте, когда он чуть было не стал участником полярной экспедиции. Поскольку это кратковременное увлечение возникло и угасло в 1868 г., само появление записной книги “Ethnologia” можно предположительно датировать именно 1868 г. Не противоречит этому и само название “Ethnologia”, взятое из итальянского языка. Оно тоже указывает на 1868 г., как раз в это время Миклухо-Маклай путешествовал и занимался исследовательской деятельностью в Италии.

Книга Ренана отражает попытки Миклухо-Маклая заниматься непосредственно этнографией во время «научной экскурсии» в бассейне Красного моря (см.: [Тумаркин 2011: 98–99]). Внимание к этнографии «Южных морей» проявляется в чтении книги Уоллеса, который интересовался не только зоологией, но и этнологией. Разделы, относящиеся к ведомству этнографии, можно найти и в книге Росса, и в книге Бэра, причем в обоих случаях факты подаются с явно эволюционистских позиций [Ross 1847: 375; Бэр 1851: 81–84].

Вероятно, дополнительным импульсом к занятиям этнографией для Миклухо-Маклая стала книга Фридриха Мюллера, в которой он особо выделил этнографическую часть “Ethnographie” [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 6]. В ней дается не только описание групп народов, интересовавших Миклухо-Маклая (Australier, Papua’s, Malayen), но и теоретический очерк этнографии (“Die Ethnographie oder Ethnologie”) с определением предмета и задач исследования (отдельно от антропологии). По-видимому, особое место в системе взглядов Миклухо-Маклая занимала книга Причарда, определявшего этнологию как науку, изучающую историю наций («естественную историю человека») при использовании описания физических особенностей различных человеческих групп в качестве обязательной преамбулы этнологического исследования. К этому следует добавить ассоциированность представления об «этнографических явлениях» (“Ethnographische Züge”), например таких, как брачные обычаи, общественное устройство или ритуальные установления, с понятием «моральное состояние» (“Moralischer Zustand”) в значении «положение, уровень, стадия развития» [Prichard 1848: 280–281]. Такой смешанный «антрополого-этнографический» подход в соответствии с существовавшими тогда представлениями (см. выше за-

мечание Дж. Стокинга) весьма характерен для начальной стадии исследований Миклухо-Маклая.

Помимо выписок из книг, упомянутых в «оглавлении», есть выписки из других книг, с которыми Миклухо-Маклай мог ознакомиться как в период подготовки первой экспедиции, так и во время или между последующими путешествиями. К числу первых, вероятно, можно отнести книгу Карла Земпера (C. Semper) “Die Philippinen und ihre Bewohner” (Würzburg, 1869), Теодора Вайца “Die Indian N. Am. Leip[zig] 65” [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 15, 37, 40]⁷. В этом же ряду, вероятно, стоит и работа Джеймса Лоу (Low) “The Semang and Sakai Tribes of the Malay Peninsula”, опубликованная в “Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia” (1850. Vol. IV. P. 424–432), а также работа Джона Крофорда (Crawford) “Dictionary of the Indian Islands & Adjacent countries” (London, 1856)⁸ [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 34, 35]. Последним по времени возможного ознакомления является сообщение Александра Форреста (A. Forrest) “Expedition durch Nordwest-Australien 1879”, помещенное в периодическом издании “Dr. A. Petermann’s Mittheilungen” (1881. 27 Bd. S. 121–129) [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 32 об.]. По своему содержанию выписки касаются расовой классификации населения Юго-Восточной Азии, Индонезии, Меланезии, Полинезии и Австралии (Уоллес, Бэр, Мюллер, Причард) [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 4 об.–5, 6, 14].

В восьмой главе четвертого тома книги Причарда описываются «черные нации в Океании». В ней есть разделы, посвященные папуасам Новой Гвинеи и так называемым альфурам (см. подробнее следующий раздел настоящего издания) [Prichard 1848: 223–270]. В том, что касается сугубо этнографической информации, Миклухо-Маклая особенно интересовали описания религиозных представлений. Так при чтении книги Ренана он останавливается на религии [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 38–38 об.]. В разделе «Доисторический человек» примечательна по своему историческому кон-

---

⁷ Выписка на небольшой вклейке. Видимо, имеется в виду 4-й том «Антропологии» Вайца: *Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Vierter Theil. Die Amerikaner. Ethnographisch und culturhistorisch dargestellt. Zweite hälfte.* Leipzig, 1864.

⁸ У Миклухо-Маклая запись такова: «Саманги Малайского полуострова. John Crawford. A descriptive Dictionary of the Indian Islands. 1856» (в орфографии оригинала. — П.Б.).

тексту ссылка на работу Освальда Хеера (Heer) “Die Pflanzen der Pfahlbauten” (см.: An die Zürcherische Jugend. Zürich, 1866. LXVIII Stück. S. 1–54), посвященную злаковым растениям, использовавшимся носителями свайной культуры на территории Европы. Миклухо-Маклая интересовала датировка злаковых: три-четыре или шесть-семь тысяч лет [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 40]. Этот факт хорошо соотносится с наличием ссылок на книгу Бэра «Человек в естественно-историческом отношении», показывая, каким сложным образом формировался круг научных интересов Миклухо-Маклая.

В целом штудирование книг, упомянутых в тетради “Ethnologia”, равносильно, говоря современным языком, прослушиванию университетского курса по этнографии со специализацией на изучении культуры народов Австралии и Океании, в рамках которой основной темой избирается культура коренного населения Новой Гвинеи. При этом мы отдаем себе отчет, что записная книга “Ethnologia”⁹ не в полной мере отражает систему самообразования Миклухо-Маклая. Скажем, трудно предположить, что, зная работу Джеймса Лоу по семангам и сакаям (сеноям) Малакки, он не заинтересовался работой Г.У. Эрла (Earl) “On the leading characteristics of the Papuan, Australian, and Malayu-Polynesian Nation” или работой Дж.Р. Логана “The Ethnology of the Indian Archipelago: Embracing Enquiries into the continental Relations of the Indo-Pacific Islands”, которые находятся в том же томе журнала “The Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia” [Earl 1850: 1–10; Logan 1850: 252–347]. Кроме того, если первоначально те или иные книги использовались для выписок в качестве учебных пособий, то впоследствии, когда записная книга “Ethnologia” превратилась в тетрадь для полевых записей и черновиков статей, названия книг стали возникать уже в качестве сносок. Например: Christmann Fr., Oberländer R. Ozeanien, die Inseln der Südsee. Leipzig, 1873. Einleitung, pag. XIX (к заметке «Об употреблении напитка кэу у папуасов Берега Маклая в Новой Гвинее», отосланной в «Известия РГО» 22 ноября 1873 г.) [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 28 об.]. Еще одно напоминание о том, что Миклухо-Маклай во время своих путешествий не был изолирован от европейского научного сообщества. Заметка «Об употреблении напитка кэу» была написана в 1873 г. в Бюйтенцорге около Батавии.

---

⁹ Слово написано по правилам немецкой орфографии: вместо «t» — сочетание «th».

Но пока велась кропотливая работа, связанная с самообразованием в области этнографического знания, Миклухо-Маклай продолжал вести переписку с Остен-Сакеном, если так можно выразиться, не раскрывая полностью своих географических карт. В письме, посланном из Йены 1 марта 1870 г., на первое место по-прежнему выдвигается принцип «научности»: сначала познакомиться с фауной «целой области» (фауной Тихого океана в целом), а потом только перейти к «одной специальной провинции» (фауне северной части Тихого океана) [Миклухо-Маклай V: 46]. Отвечая на это, Остен-Сакен ссылается на устав РГО [Там же: 590]. Миклухо-Маклай продолжает настаивать, заверяя, что отнюдь не отодвигает на второй план исследование северных частей Тихого океана: «Напротив — я положительно очень интересуюсь тою местностью и хочу *по возможности* (курсив мой. — П.Б.) ее исследовать» [Там же: 46]. Однако ради того, чтобы попасть в южные районы Тихого океана, Миклухо-Маклай готов пожертвовать денежной помощью РГО в том случае, если ее получение, как он выражается, пойдет наперекор разрешению его научных задач [Там же].

И все же для того, чтобы лишний показать свою лояльность интересам РГО, 2 марта он присылает в Отделение физической географии свою статью о губках северной части Тихого океана и Северного Ледовитого океана. Сделанные в ней выводы он трактует как свидетельство необходимости проводить широкие сравнения при изучении полиморфизма одного и того же животного вида под влиянием географической среды: «Между тем Охотское и Берингово море составляют *только* (курсив мой. — П.Б.) северные области Тихого океана, и губки, о которых здесь идет речь, имеют своих близких родственников, быть может, под экватором, где они проявляются, вероятно, под иными формами» [Там же: 48–49, 591].

В письме Остен-Сакену от 20 апреля 1870 г. Миклухо-Маклай сообщает о поездке в Лондон, указывая, что целью является знакомство с разными учеными и музеями [Там же: 52–53]. В Лондоне он ведет переговоры о получении открытого письма ко всем консулам на островах Тихого океана [Там же: 52]. Позже, уже по возвращении в Йену, в своем письме от 15 мая 1870 г. он обращается к Томасу Гексли с просьбой достать рекомендательные письма в Сидней, Мельбурн и Новую Зеландию [Там же: 57]. Из этого письма, а также из приложенного к письму меморандума в адрес президента Лон-

донского географического общества Родерика Мэрчисона видно, что постановка задачи остается прежней. «Мне было бы очень приятно, — пишет Миклухо-Маклай, — если бы Вы сказали сэру Р. Мэрчисону несколько веских слов о важности *зоологических исследований в Южном море* и при этом отметили, что я не совсем неспособный человек для таких исследований» (курсив мой. — П.Б.) [Там же].

В меморандуме, ссылаясь на то, что зоология является его специальностью, он ставит на первое место «изыскания зоологические, главным образом по сравнительной анатомии простейших животных»; заниматься географией животных, антропологией и этнографией он предполагает только в том случае, «если позволит время» [Там же: 58]. Примечательна одна оговорка: «В меморандуме я специально не написал ничего определенного о том, какие острова Тихого океана я буду изучать, так как сам этого еще не знаю и узнаю только на месте» [Там же: 57–58]. Таким образом, как и в письмах в РГО, речь идет в первую очередь о зоологии и островах, находящихся «под экватором» в целом. В этот момент Миклухо-Маклай еще не знает (или, напротив, хорошо знает?), где будет его «исходная станция».

В эпистолярном наследии Миклухо-Маклая формальные признаки постепенного («параллельного») складывания именно этнографического интереса и именно к Новой Гвинее впервые прослеживаются в переписке с Георгом Герландом. В письме, предположительно датированном маем 1870 г., Миклухо-Маклай обращается к Герланду с такими словами:

«Путешествие, которое я собираюсь предпринять в ближайшие годы и в которое я отправляюсь в сентябре этого года, а также большой интерес, с которым я читал Вашу книгу (2-я часть V тома “*Anthropologie*” Вайца), побуждают меня обратиться к Вам со следующей просьбой и вопросом.

При изучении *обширной, но, с другой стороны, недостаточной литературы об островах Южных морей* у Вас, вероятно, возникали многие вопросы, ответов на которые Вы у авторов не находили. У Вас могли также возникнуть отдельные пожелания, касающиеся вопросов антропологии и этнографии, подлежащих исследованию ученых-путешественников» (курсив мой. — П.Б.) [Там же: 58].

Упоминание Миклухо-Маклаем труда Герланда крайне важно для понимания научного «символа веры» русского ученого. Речь идет о книге Герланда “Die Micronesier und nordwestlichen Polinesier. Ethnographisch und culturhistorisch dargestellt” (1870). Эта книга не упоминается в записной книжке “Ethnologia”, но является второй частью (Zweite Abteilung) пятого тома “Anthropologie der Naturvölker” Теодора Вайца, вышедшего под общим названием “Die Völker der Südsee” (первая часть была написана самим Вайцем). На момент выхода в свет этот том был наиболее полным собранием этнографических сведений по данному региону (*NB*: по Новой Гвинее нет почти никаких данных), причем первая часть сопровождалась подробной этнической картой, составленной Герландом (“Ethnographische Karte der Malaienländer nach Waitz Anthropologie der Naturvölker entworfen von Dr. Ernst Gerland. 1865” [Waitz 1865: nach 194]). Карта включает Малайский архипелаг, Малаккский полуостров, Филиппины и частично некоторые прилегающие географические области, в том числе Новую Гвинею и Австралию. Нетрудно понять, что оглавление этого тома вместе с картой во многом предопределяет географический «каркас» научных интересов Миклухо-Маклая [Gerland 1870]. Карта Герланда в какой-то степени предсказывает «одержимость» Миклухо-Маклая проблемой распространения папуасской расы. На этой карте одним цветом, или термином “paruas” (“parua”), объединено население Новой Гвинеи, Австралии и внутренних областей Филиппин; области расселения семангов и сакаев (сеноев) окрашены тем же цветом, что и районы с малайским населением.

В следующем письме (конец августа 1870 г.) говорится: «Очень благодарен Вам за Ваше письмо от 19 августа, доставившее мне большое удовольствие. Мне кажется, что по некоторым обстоятельствам я в своем первом письме недостаточно оттенил то, что предполагаю уехать года на два на Новую Гвинею, а потому, как бы ни были интересны для меня уже посланные вопросы, особенно важны для меня еще некоторые, касающиеся Новой Гвинеи и Меланезии» [Миклухо-Маклай V: 60–61]. Из этого следует, что решение заняться изучением Новой Гвинеей окончательно сложилось к концу 1870 г., но произошло это не по мановению волшебной палочки в виде какой-то отдельной статьи, а в результате огромной внутренней работы, основанной на чтении всей существующей литературы по этому вопросу.

В сентябре 1870 г. в письме П.Л. Семенову Миклухо-Маклай уже совершенно определенно говорит о своем намерении исследовать в научном отношении Новую Гвинею. Его просьба состоит в том, чтобы корвет «Витязь» высадил его на берег этого острова. В частности он пишет, что «зная, по собранным сведениям, трудность и неаккуратность сообщений этого острова с европейскими колониями» (курсив мой. — П.Б.), рассчитывает, что корвет «Витязь» мог бы его высадить на берег острова, мотивируя это тем, что такое отклонение от маршрута повлечет за собой лишь незначительную трату времени, но будет иметь большое значение для научного успеха экспедиции [Там же: 61]. Таким образом, РГО было поставлено в известность о пункте высадки лишь в последний момент, хотя, как видно по переписке с Герландом и некоторым оговоркам, экспедицию на Новую Гвинею Миклухо-Маклай готовил достаточно долгое время, собирая многообразные сведения.

Общая схема исследований в программе, представленной на Общем собрании Географического общества 7 октября 1870 г., в целом вроде бы остается без изменений. В дисциплинарном отношении на первом месте — зоология («преимущественно низших форм животных») с целью проследить изменение и зависимость животных организмов от различных внешних факторов (отсюда включение в программу метеорологических наблюдений), на втором — исследования по антропологии и этнографии. Однако зоологии посвящены лишь два первых абзаца, физической географии и метеорологии — небольшой раздел, тогда как большую часть доклада занимали вопросы антропологии и этнографии. «Тем не менее, — пишет Миклухо-Маклай, — я считаю своим долгом сообщить здесь все эти вопросы, так как они составлены специалистами, известными знатоками дела, и обнаруживают те пробелы, которые предстоит пополнить для научного понимания многих сторон этнографии и антропологии» [Миклухо-Маклай III: 297]. Миклухо-Маклай также продолжает убеждать РГО в своем намерении провести в тропических морях только первые годы путешествия, чтобы «затем подвигаться постепенно на север, до берегов Охотского моря и северных частей Тихого океана». Новая Гвинея объявляется «первым полем деятельности», причем при этом выборе он «руководствуется соображениями, которые не замедлит сообщить Географическому обществу» [Там же].

Указанные соображения были высказаны в цитируемой выше рукописи под заглавием «Почему я выбрал Новую Гвинею по-

лем моих исследований». На первом месте теперь стоят этнография и антропология, Новая Гвинея рассматривается прежде всего как «центральное звено» в исследованиях «Полинезии» (зд. Океании. — П.Б.), а об исследованиях северных районов Тихого океана уже и речи нет. По всей видимости, это и есть настоящая программа исследований Миклухо-Маклая, которой он придерживался все последующие годы и о результатах выполнения которой он фактически отчитался в своих публичных выступлениях 1886 г.

Выступая на выставке своих этнографических коллекций в 1886 г. в Академии наук, Миклухо-Маклай говорил: «По мнению профессора Р. Вирхова, одна из важнейших задач нашей современной науки — это сохранение при помощи научной литературы особенностей еще существующих примитивных народностей и соби́рание остатков культуры быстро исчезающих и постепенно изменяющихся рас» [Миклухо-Маклай V: 556–557].

В черновике речи на той же выставке Миклухо-Маклай специально цитирует свой отчет 1877 г. Императорскому Географическому обществу. В этом отчете он, еще как бы оправдываясь, писал:

«Если, замечая, что я ни слова не говорю о новооткрываемых видах райских птиц, не обещаю описать сотни и привезти тысячи новых редких насекомых, — меня, может быть, удивляясь, спросит ревностный зоолог: отчего *я ради вопросов по этнологии, которая собственно не составляет моей специальности*, отстранил от себя соби́рание коллекций? Я отвечаю на это, что, хотя и считаю вопросы зоогеографии этой местности весьма интересными, особенно после весьма подвинувшегося в последние годы знакомства моего с фауною Малайского архипелага, все-таки почел за *более* важное обратить мое внимание, теряя при этом немало времени, на *status preasens* житья-бытья папуасов, полагая, что *эти* фазы жизни *этой* части человечества при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день) весьма скоро преходящи. Те же райские птицы и бабочки даже в далеком будущем будут не менее восхищать зоолога, те же насекомые наполнят тысячами его коллекции, между тем как почти наверное, при повторенных отношениях с белыми, не только нравы и обычаи *теперешних* папуасов исказятся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса

в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинеи, подобно тому как я искал секай и семанг в лесах Малайского полуострова.

Время, я уверен, докажет, что при выборе *моей главной задачи я был прав* (курсив мой. — П.Б.) [Там же: 552–553].

Первая фраза (насчет «райских птиц» и «ревностного зоолога») есть классический случай «оговорки по Фрейд» — скрытая полемика с Уоллесом (а возможно, и с д'Альбертисом¹⁰), который, как уже отмечалось выше, был «номером один» в списке Миклухо-Маклая. Еще раньше на пути в Новую Гвинею Миклухо-Маклай писал, что «задачи Валласа» не могли руководить его путешествием [Миклухо-Маклай III: 8, 9].

Итак, можно полагать, что свою главную задачу Миклухо-Маклай видел в проведении полномасштабных этнографических исследований на Новой Гвинее. Даже антропологические исследования («экскурсии») постепенно становились лишь «каркасом» этнографических исследований или формой, которая наполнялась этнографическим содержанием.

В 1882 г. на Чтениях в Географическом обществе им было сказано:

«По мере знакомства с туземцами, с образом их жизни и нравами, в сентябре и ноябре 1872 г., т.е. в конце моего пребывания в Гарагаси, мне стала рисоваться программа дальнейших исследований на островах Тихого океана. Изучив туземцев Берега Маклая в антропологическом и этнологическом отношениях, я наметил себе *задачу исследования всей папуасской или меланезийской расы* (курсив мой. — П.Б.).

Между интересными и малоизвестными животными Новой Гвинеи наиболее интересным представлялся мне туземец Новой Гвинеи, *Ното рариа*» [Миклухо-Маклай II: 408–409].

---

¹⁰ Книга Луиджи Д'Альбертиса “New Guinea: what I did and what I saw” вышла в Лондоне в 1880 г. Однако Миклухо-Маклай в 1877 г. не мог не знать об экспедиции Д'Альбертиса и ее основных результатах, выразившихся в открытии многих видов райских птиц и сборе больших зоологических коллекций.

С годами, по мере накопления полевого опыта, Миклухо-Маклай отнюдь не разбрасывался, а, наоборот, все более и более концентрировал свою научную деятельность на этнографии. О том, в чем он видел свою главную задачу, в 1876 г. Миклухо-Маклай писал: «В 1871—1872 гг. я изучал папуаса более с антропологической (анатомической) стороны; теперь положение его в среде его соплеменников, общественная сторона его быта войдет в мою программу и будет *одной из главных задач исследования*» (курсив мой. — П.Б.) [Там же: 95].

На этом фоне особое значение приобретает еще один факт. В тетради с рукописью «Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований» сохранился обрывок бумаги с набросками плана данной статьи. Помимо прочего, там есть и такая фраза: «Цель моя — уясн[ить] пол[ожение] пап[уасов] относительно других рас и потом (*находя главною задачею этногр. положение папуасов*) постара[ться] опреде[литель] распр[остранение] ее по собств. набл.» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай III: 551]. Как отмечает Д.Д. Тумаркин, «судя по некоторым подробностям содержания, план был составлен еще до плавания на Витязе» [Там же: 550]. Следовательно, изучение «этнографического положения» папуасов осознавалось Миклухо-Маклаем в качестве «главной задачи» уже в ходе подготовки к первой экспедиции на Новую Гвинею и впоследствии стало лейтмотивом всей его жизни.

Как уже упоминалось, Миклухо-Маклая упрекают в двух недостатках: во-первых, в неумении сосредоточиться на решении одной научной задачи и, во-вторых, в растрачивании своего времени на постороннюю, казалось бы, для науки общественно-политическую деятельность по защите прав коренного населения Австралии и Океании. «Специалистам ученым, — писал Анучин, — такое раздвоение личности наблюдателя — на человека науки и филантропа — представлялось достойным сожаления, так как оно раздробляло силы и отвлекало в сторону от намеченной цели» [Анучин 1923: 68].

В действительности не было никакого раздвоения личности. Миклухо-Маклай был очень цельной натурой. Публикуя материалы по зоологии, географии, метеорологии и океанологии, он лишь честно выполнял обязательства, взятые перед РГО. В работах естественно-научного характера Миклухо-Маклай, во-первых, отдавал дань своей университетской специальности (интерес к зоологии сам

по себе не ослабевал, но на фоне все усиливающегося интереса к этнографии (доля зоологии в общем потоке научных результатов уменьшалась), а, во-вторых, доминирование этнографических интересов превращало естественно-научные исследования почти в повинность при условии, что эти исследования часто приобретали этнографическую окраску (см. статьи об операции «мика» и пр.). Как справедливо пишет Д.Д. Тумаркин: «Программа, предложенная Миклухо-Маклаем, значительно выходила за рамки обсуждавшейся ранее в Совете и в отделении. Она была ориентирована на организацию гораздо более широкой и длительной работы в Океании и, в частности, на осуществление значительных специальных исследований по этнографии и антропологии» [Миклухо-Маклай III: 295–296]. Этими словами характеризуется своего рода «протокол о намерениях», зачитанный 7 октября 1870 г. Однако тогда Миклухо-Маклай попросту не мог предвидеть всех последствий при реализации своего замысла.

Расширение географии исследований сопровождалось интенсификацией исследований в области этнографии. Общее направление трансформации научных интересов Миклухо-Маклая было таково: от медицины (анатомии) к зоологии, от зоологии к физической антропологии, от физической антропологии к этнографии (этнологии). Во второй половине 1870-х годов он уже окончательно сложился как ученый-этнограф. Конечно, речь не идет о выделении самостоятельных периодов в его профессиональном становлении: зоология, физическая антропология, этнография. Все три составляющие (не говоря о медицине) оставались значимыми для Миклухо-Маклая, но акценты в его научной деятельности заметно сместились в «красную зону» этнографии. Можно сказать, что в конце 1870-х годов этнографические интересы уже полностью доминировали среди его приоритетов.

Одним из признаков (или прямым следствием) этого является его активная деятельность в сфере защиты прав коренного населения стран Тихоокеанского региона. И здесь он вновь выступает скорее как этнограф. По-видимому, угроза физического исчезновения коренных народов в его глазах делала бессмысленной всю его научную деятельность. Это касается второго упрека — в трате сил на решение проблем, напрямую не связанных с наукой. (Идея придания Берегу Маклая статуса самоуправления может иметь определенную контаминацию — обоснование задним числом актуальности исследова-

дований на Новой Гвинее как регионе, входящем в сферу интересов России.)

В комментариях к шеститомному собранию сочинений говорится: «В отличие от “Чтений” 1882 г., где в центре внимания находились путешествия и где в основу композиции был положен региональный принцип, лекции 1886 г. концентрировались вокруг основных научных проблем и представляли собою последовательное изложение огромного исследовательского материала и его теоретическое (sic! — П.Б.) осмысление. Можно сказать, что лекции явились итогом работы Миклухо-Маклая по систематизации и обобщению научных результатов его путешествий в Океании, в первую очередь на Новой Гвинее и островах Меланезии» [Там же: 399]. Подчеркнем: огромный исследовательский материал, содержащийся в лекциях 1886 г., в основном представляет результаты наблюдений, сделанных по процедуре этнографических экспедиций.

Таким образом, миф об отсутствии единого фокуса в научных изысканиях Миклухо-Маклая не выдерживает никакой критики. Сравнивая программу 1870 г., чтения 1882 г. и лекции 1886 г. как результаты некоторых предшествующих исследований, можно увидеть, что они представляют собой поэтапное развитие единой системы взглядов. На первом этапе преобладало обобщение известных к тому времени фактов, на втором этапе велась в основном полевая (экспериментальная) работа, на третьем этапе имело место возвращение к теории в строгом смысле слова — *абстрагированию* исследуемой реальности.

Если отвлечься от зоологии, послужившей своего рода трамплином и впоследствии составлявшей что-то вроде внешней оболочки научных интересов Миклухо-Маклая, ядро его научных достижений можно подразделить на три круга, взаимосвязанных между собой: физическая антропология, этнография и методология науки. Сложность состоит в том, что у Миклухо-Маклая методология науки как бы вплетена в его этнографические отчеты. Поэтому важно не только, *что* сделал Миклухо-Маклай, но и *как* он это делал.

В этом смысле именно в тетради “Ethnologia” 1869–1870 гг. мы находим ключ к научному портрету Миклухо-Маклая как начинающего этнографа. Как уже отмечалось, своего рода учебником для него должен был служить немецкий перевод книги «Естественная

история человека» Джеймса Причарда, некоторыми английскими современниками именовавшегося «отцом английской этнологии».

Скажем еще раз, что в понимании Причарда, этнология — это история наций, основанная на исследовании связей между языками, причем «конечная цель этого исследования — в прослеживании не истории языков, а племен людей, чье родство они (языки. — П.Б.) могут иллюстрировать» [Prichard 1855: 119]. По его определению, раса (фактически являющаяся для него синонимом племени) представляет собой «семью наций», родство которых доказывается родством языков [Ibid.: 118; 428]. Как он пишет, из всех особенностей, присущих человеку, именно язык обнаруживает свойство сохраняться даже при значительном изменении физических и моральных характеристик [Ibid.: 119]. Притом (или *вследствие того*) что Причард являлся, хотя и на богословских основаниях, последовательным сторонником идеи единства «человеческой семьи», он придерживался мнения, что «разновидности» (“varieties”) людей обусловлены различиями природной среды, а именно климата [Ibid.: 4, 119]. В связи с этим им особо подчеркивается, что в процессе распределения наций по «отделам» (“departments”) наряду с языком необходимо учитывать физические характеристики, из коих форма черепа является определяющей, «наиболее постоянной» [Ibid.].

Система взглядов Причарда естественным образом выстраивается в некую парадигму, предполагающую определенный способ постановки и решения научных задач. По крайней мере, первоначально этнографические («антрополого-этнографические») отчеты Миклухо-Маклая в целом строятся по образцам, заданным в книге Причарда. Прежде всего это касается способа расположения, а фактически — способа анализа, наблюдений. Касаясь последовательности сбора материалов, Миклухо-Маклай говорит о «важнейшей стороне — преимущественно антропологической» [Миклухо-Маклай II: 71]. В другом месте, почти повторяя одну из мыслей Причарда, он пишет о «зоологическом характере расы, которым не следует пренебрегать» [Там же: 109–110]. В этом же «антропологическом» контексте он не забывает упомянуть и о «собрании словарей сохранившихся наречий» [Там же: 71]. В ранних текстах Миклухо-Маклая физико-антропологические данные выступают в качестве обязательной преамбулы этнографического описания данной группы, визуально соединяясь с этнографией посредством рисунков

с изображениями людей, по возможности точными антропологически, в местных одеяниях, с местными украшениями и орудиями труда. Поэтому у него этнографические факты часто выглядят естественным продолжением или дополнением, точнее говоря, *расширением функции* антропологических фактов.

Например, при встрече с населением островов Адмиралтейства Миклухо-Маклай от наблюдений над антропологическими особенностями непосредственно переходит к «другим наблюдениям: к аксессуарам, которые их окружали», а именно к описанию «причесок и украшений» [Там же: 105]. Можно подумать, что эти элементы традиционной культуры являются продолжением тела человека, чем-то вроде вторичных антропологических признаков. Модель «физический облик — одежда и украшения» всегда была и остается излюбленным средством демонстрации многообразия человеческой культуры (ср. восковые манекены в Кунсткамере конца XVIII в. и изображения представителей различных народов в книге И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» (1776)). Впрочем, это вполне совпадает с логикой самих носителей традиционной культуры.

В записках Миклухо-Маклая «антропологическая» функция носит уже не имплицитно методологический, как у Причарда, но скорее эксплицитно методический характер. Эта «детская болезнь» («первобытный суп») этнологии, когда признаки различия культуры еще как бы выводились из антропологических признаков в узком смысле слова, у Миклухо-Маклая преодолевается в процессе полевой этнографической практики. По его мнению, для решения антропологических задач достаточно нескольких дней, тогда как *для ознакомления с обычаями, языком и т.п. требуются годы или по крайней мере месяцы* [Там же: 71]. Граница между двумя областями знания проводится с помощью очень простого, но эффективного средства — хронометрии: научная методика антрополога измеряется днями, этнографа — годами.

Первоначальный порядок исследования и изложения результатов был такой: «во-первых» — антропология, «во-вторых» — этнология [Там же: 201]. Но в процессе многолетней полевой работы этот порядок сменился на противоположный, что и определило окончательно собственную систему представлений Миклухо-Маклая о предметах физической антропологии и этнографии, если иметь в виду идею о взаимоисключении этих понятий: антропология

√ этнография. Раздельная публикация Миклухо-Маклаем антропологических и этнологических заметок не случайность, но окольный способ формулировки, возможно, витавшей в воздухе идеи разделения двух независимых научных дисциплин. Создание в 1878 г. Музея антропологии и этнографии в России, несомненно, связано с общепринятым тогда способом взаимоопределения двух «смежных» наук. В конечном счете Миклухо-Маклай стал придерживаться этой формулы взамен формулы Причарда, подразумевающей «включение» антропологии в этнологию: антропология $\subset$ этнология. Данная модель по своему «направлению» противоположна модели, предложенной в 1860-х годах Джеймсом Хантом и впоследствии воспринятой англосаксонским научным сообществом: антропология $\supset$ этнология.

Джеймс Хант, став притчей во языцех антропологии, благодаря своим попыткам подвести расизм под научную теорию, как ни странно, до сих пор продолжает оказывать влияние на западную науку там, где заходит речь о структуре взаимосвязей между понятиями «антропология» и «этнология»:

«Не углубляясь в этимологию названия нашего общества, все же необходимо, чтобы мы составили некоторое ясное представление о действительном смысле и границах (breadth) науки, которую мы строим (unite) именно ради познания и просвещения» [Hunt 1863: 1].

«Некоторые авторы... считают, что понятие антропологии предполагает лишь изучение родственных связей человека и млекопитающих. Даже если мы примем такое толкование термина, у нас останется очень широкое поле для исследований. Я, во всяком случае, готов рассматривать это как нашу первейшую задачу; и какой огромный скачок совершит наука, когда эти связи будут полностью установлены! Я, не колеблясь, утверждаю, что родство человека и млекопитающих является коренным вопросом и [этот вопрос] должен составлять основу развития науки о человеке. Сколько времени было впустую потрачено на рассуждения, предположения и теории, касающиеся истории человека! Сколько томов было напечатано о происхождении человеческой семьи! И все же до сих пор место человека в природе еще остается предметом серьезного обсуждения. Какое странное положение для науки в XIX в.,

которая игнорирует связь человека с физической Вселенной, его окружающей! И все же я думаю, что я могу сказать, не погрешив против правды, что почти все авторы, занимающиеся проблемой прошлого человека, игнорировали его связь с низшими животными просто потому, что они были не способны видеть, в чем состоит это родство. Разве не в высшей степени бессмысленно продолжать смотреть на человека как на существо, оторванное от длинной цепи органической жизни? Я не буду тратить время на то, чтобы показать, что прогресс в изучении истории человека был невозможен до тех пор, пока сохранялась такая система исследований, ошибочная в самих своих основаниях» [Ibid.: 1–2].

«Однако я бы не согласился с тем, что науку антропологию справедливо втискивать в столь узкие рамки. Напротив, антропология — это наука о природе человека в целом. При таком подходе она включает в себя почти все известные науки. Биология, анатомия, химия, естественная философия, физиология — все они должны поставлять антропологу материалы, на которых он может делать свои умозаключения. В то время как этнология имеет дело с историей или наукой о нациях и расах, мы должны сосредоточиться на происхождении и развитии человечества. Таким образом, в то время как этнография изучает [географическое] положение и культуру (“position and arts”) различных человеческих рас, наше дело — исследовать законы, регулирующие распространение (distribution) человечества» [Ibid.: 2].

Последняя выдержка весьма характерна с интересующей нас точки зрения. Из нее видно, в чем мог состоять «компромисс», о котором говорят, описывая события, связанные с воссоединением Антропологического и Этнологического обществ в конце 1860-х — начале 1870-х годов. Содержание антропологии, по Ханту (тезис о неравноценности человеческих рас), было выброшено, но форма антропологии, по Ханту (антропология как некая сверхнаука), была сохранена.

Немецкая школа развивалась несколько иным путем. Для нас это особенно важно, поскольку Миклухо-Маклай по своим воззрениям был ближе именно к этой школе, особенно если учесть внимание, с которым Миклухо-Маклай отнесся к статье Рудольфа Вирхова 1875 г., посвященной определению понятия «антропология».

По Вирхову, можно говорить об антропологии в широком смысле — учении о человеке как в физическом, так и психологическом отношении — и об антропологии в узком смысле — исследовании и описании физических особенностей людей наряду со свойствами общественной жизни, проявляющимися в виде «естественных объектов» вроде таких явлений, как пища, орудия труда, оружие, одежда, жилище; понятие антропологии в узком смысле смыкается с понятием «доисторической антропологии» [Virchow 1875: 571]. Вместе с тем он подчеркивал, что границы между доисторическими и историческими явлениями достаточно условны. В пояснение своей мысли он обращался к Австралии. Если население внутренних районов еще представляло доисторическую реальность, то население прибрежных районов Австралии благодаря знакомству с новым европейским миром существовало уже по законам исторического времени [Ibid.].

Главное направление современной ему антропологии Вирхов видел в исследованиях по «истории развития человечества», причем в связи с решением двуединой задачи. С одной стороны, он ставил перед антропологией задачу изучения истории развития физических особенностей людей [Ibid.: 572]. Как возник человек? Как сформировались отдельные расы и племена? Происходят ли все люди от представителей одной расы или существовало несколько первоначальных рас (Urgrassen)? И если встать на точку зрения единства рода человеческого, где искать прародину (Ursitz) человека? Но если «первые люди» являются предками всего человечества, то происходят ли они сами от каких-то других существ, от которых они постепенно отделились при поступательном развитии их [телесной] организации (“ihrer Organisation”)?

С другой стороны, Вирхов ставил перед антропологией задачу изучения «культурной истории» (“Culturgeschichte”), начала которой предлагается искать в археологии и палеонтологии [Ibid.]. Вопросы по своим импликациям задавались не из простых. Действительно ли человеческая организация (“menschliche Organisation”) так устроена (медик Вирхов, видимо, неслучайно использует глагол “eingerichten”, в одном из своих значений являющийся медицинским термином «вправить»), что одна и та же или, по крайней мере, сходная форма (“Gang” в значении «ход») духовного развития возникает из некоторой внутренней необходимости в разных местах и в разные времена и что различные народы независимо друг от дру-

га производят одни и те же продукты труда, изобретают одни и те же технические методы, совершают одни и те же открытия? Или же была только передача информации от человека к человеку, от племени к племени, посредством которой распространялось однажды найденное знание и без которой вообще не было бы никакого прогресса?

Подводя итог высказываниям Вирхова, можно сказать, что его «культурная история» примерно соответствует тогдашнему понятию этнологии, но так, что это понятие имеет область пересечения с физической антропологией.

В статье Адольфа Бастиана, помещенной в том же сборнике 1875 г., следовательно, также известной Миклухо-Маклаю, ставится, как явствует из ее названия, противоположная цель — определение этнологии [Bastian 1875: 516]. «Для этнологических исследований главный объект наблюдения составляет зависимость человека от его окружающей природы, так что они идут в том же направлении, где они соприкасаются, что и антропологические исследования, в рамках которых Ното изучается не столько относительно его положения в различных системах (включая зоологическую), сколько относительно характерных оттенков, которые ему придает его географическая провинция (вместе с тем освободившийся от ее господства культурный народ принадлежит уже не этнологии, но истории, а также историческому обхождению)» [Ibid.]. Или: «Для этнологов человек предстает в двух ипостасях, сначала как индивидуум, а затем как социальное существо, причем данное деление совпадает с делением на физическую и психическую половины, так как все принадлежащее к психическому существованию предполагается в качестве первичного условия общения, при наличии которого только и возникает для индивидов значимость непосредственного предмета исследования, а именно такого, что через социальные отношения только в небольшой степени поддается изменениям» [Ibid.].

Вероятно, не имеет особого смысла продолжать здесь цитирование статьи Бастиана, чтобы убедиться в схождениях с теми или иными конкретными положениями Миклухо-Маклая. В данном случае для нас более интересно рассмотреть схему взаиморасположения антропологии и этнологии, предлагавшуюся Бастианом, для сравнения ее со схемой Вирхова. Фактически перед нами один и тот же предикат, который читается в противоположных направлениях.

Отличие схемы Миклухо-Маклая состоит в том, что он «развел» два пересекающихся множества — предмет антропологии и предмет этнологии — как находящиеся в отношении исключения, одновременно сопоставив некоторые точки одного множества некоторым точкам другого. Этой маклаевской схемой взаимоотношения антропологии и этнологии (этнографии) российская наука в общем и целом пользуется до настоящего времени. Раздельная публикация Миклухо-Маклаем антропологических и этнологических заметок по папуасам Берега Маклая стала в истории науки первым документом, закрепляющим самостоятельность предметов этих наук. В этот момент он уже явно был «на стороне» этнографии. Примечательно, что этот аспект научного поведения Миклухо-Маклая хорошо просматривается в структуре записей в тетради “Ethnologia”.